
УДК: 338.2: 331.2

JEL: J38, J45, J50

Олег Ярёмченко

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ¹

Показано, что одной из новых тенденций структурирования общества в условиях усиления неопределённости социально-экономического развития является становление медиум-класса на основаниях нового общественного усреднения доходов и жизненного уровня, что должно поставить пределы опасного вымывания среднего класса и одновременно ограничивать социальную, технологическую, финансовую и политическую власть новых элитных групп. Доказано, что одним из признаков перерождения среднего класса в медиум-класс является его превращение из чистого кредитора в чистого заёмщика банковской системы. Постепенное угасание институтов социального государства под давлением жёстких финансовых ограничений, тенденция к росту социально-экономической энтропии, устойчивая "ловушка ликвидности" в экономике, деградация многих ценностно-институциональных ограничений, преобразование инноваций в самоцель экономического развития неизбежно приводят к размыванию среднего класса как скрытого субъектного ядра, что вызвало высокий уровень взаимной комплементарности экономической эффективности и социальной справедливости. Показано, что принадлежность к медиум-классу порождает для субъекта широкий простор альтернатив, но сегодня для надлежащего их изучения может не хватать институциональной компетентности, общих знаний и культуры, профессиональных способностей и возможностей. В перспективе медиум-класс будет заполнять историческую нишу среднего класса как структурного стабилизатора социально-экономического развития, но одновременно всё более будет выступать как ответственный субъект других отношений, менее устойчивых, более инновационных и рискованных. Формирование медиум-класса задаёт вектор развития экономической системы, вокруг которого могут структурироваться социальные элементы, которым нужна новая определённость, стабильность социальных критериев и предпочтений, возможность строить среднесрочные и долгосрочные стратегии жизнедеятельности, что будет способствовать достижению адекватного уровня стабильности в обществе и экономике.

Ключевые слова: средний класс, медиум-класс, опосредованная субъектность, социальная энтропия, рефлексивность, автономия, общественное усреднение, чистый заёмщик, вектор развития.

Ярёмченко Олег Леонидович (yaremenkooleg2@gmail.com), д-р экон. наук, проф.; ведущий научный сотрудник отдела экономической теории ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины".

¹ Статья подготовлена в рамках научного проекта "Становление медиум-класса в процессе социального развития и преодоления противоречий между экономической эффективностью и справедливостью" по результатам конкурса научных проектов в рамках целевой комплексной программы научных исследований НАН Украины "Экономическая эффективность vs социальная справедливость: приоритеты развития Украины на этапе преодоления кризиса".

© О.Ярёмченко, 2018

ISSN 1811-3133. Экономическая теория. 2018. № 4: 21–34

Не такая уж длинная история зарождения, развития и угасания субъектности среднего класса в Украине показывает сильную связь между экономическими и социальными измерениями общественной системы в условиях трансформационных сдвигов. Один из промежуточных итогов сегодняшнего этапа глобализационных трансформаций заключается в следующем: модель общества, основанная на рыночной конкуренции, правовом государстве, политической демократии и социальной солидарности, которая была обеспечена определённым уровнем общественной производительности и согласованным развитием институциональных оснований экономики, сегодня в мире уже не считается "концом истории". Не только отдалённые, но и ближайшие перспективы эволюции цивилизации выглядят, мягко говоря, негарантированными.

Скорость и направленность технологических изменений порождают тенденции к размыванию социальных статусов, границ и критериев. При всём их несовершенстве эти социальные статусы и критерии обеспечивали воспроизводство социальной идентичности людей и их обществ. Формирование новых устойчивых статусов является процессом длительным и связанным со значительными социальными рисками. Поэтому крайне важным представляется анализ возникновения новых структур, способных обеспечить приемлемый уровень контроля социально-экономических рисков и неопределённости в условиях фундаментальных структурно-технологических и институциональных сдвигов.

Целью статьи является теоретическое исследование новых тенденций структурирования общества путём оценки потенциала субъектности медиум-класса, формирующегося в процессе глобальных эволюционных и революционных изменений.

В современной научной литературе можно выделить несколько направлений исследования проблемы социально-экономических и институциональных оснований долгосрочных и текущих тенденций в эволюции социальной структуры современного общества. Во-первых, это анализ макроэкономических факторов и последствий изменений в статусе и функциях среднего класса (*Alichy*, December, 2016; *Ostry, Berg, Tsangarides*, 2014; *Пикетт*, 2015; *Стиглиц*, 2016, 2015). Главный вывод таких исследований состоит в том, что стагнация среднего класса объективно обусловлена и не может рассматриваться как экономически нейтральный процесс. Во-вторых, следует выделить исследование ценностно-институциональных оснований эволюции статуса среднего класса в контексте общественных оценок бедности и богатства, что показало важность учёта институциональной составляющей экономики в оценке перспектив динамики равенства и неравенства (*Alesina, Cozzi, Mantovan*, 2012; *Колот, Герасименко*, 2017; *Либанова*, 2016). В-третьих, в последнее время всё чаще учёные обращают внимание на неоднозначное влияние на историческую судьбу среднего класса процессов информатизации и цифровизации экономики (*Acemoglu*, 2003; *Berg, Buffie, Zanna*, 2016; *Christoffer*, 2017; *Rotman*, 2014). На наш взгляд, недостаточно оценённым с теоретической и практической точек зрения сегодня остаётся процесс скрытой внутренней реструктуризации социума, формирования новых социальных макрообразований, способных положить начало кристаллизации новых, более или менее устойчивых социальных структур.

Средний класс в традиционном понимании сегодня страдает от процессов диффузии и стагнации. Современные механизмы распределения и обращения собственности в обществе способствуют постепенной дезактуализации традиционной личной собственности работ-

ников и личного долгосрочного (накопленного) вклада в общее благо как непосредственного основания социально-экономического статуса человека. Быстрые изменения технологических оснований общественного производства нивелируют значение высокой профессиональной квалификации. Происходят процессы выборочного обесценивания профессиональных активов среднего класса, что разрушает его уникальный общественный статус. Под влиянием сдвигов профессиональной структуры экономики происходит реструктуризация и новая поляризация внутри среднего класса: представители одних профессий или групп теряют позиции иерархии, а другие, наоборот, приближаются к вершинам власти (Гульдбрансен, 2016. С. 73). Экономическая эффективность использования социальной структуры общества снижается, относительная ценность социальной составляющей социально-экономического развития нивелируется.

Как отмечают авторы исследования относительно влияния развития робототехники на судьбу среднего класса, роботы не потребляют: от роботов ожидается не потребление, а только производство. Количество товаров и услуг для людей постоянно увеличивается, но заработные платы снижаются как в абсолютном, так и относительном измерениях. Равновесие возможно в том случае, когда всё большее количество производимых товаров будет потребляться владельцами капитала. Это неизбежно будет означать дальнейшую поляризацию общества, вымывание в социальной структуре её середины (Berg, Buffie, Zanna, September, 2016. P. 11).

В условиях обострения международных торговых конфликтов корпорации развитых стран идут по пути снижения издержек, в том числе, и на заработную плату, что приводит к стагнации или даже снижению жизненного уровня основных групп среднего класса. Эффективный рыночный спрос снижается, что заставляет компенсировать его падение ростом долгового бремени, который приводит к снижению относительной экономической власти среднего класса в пользу корпораций и банков. Индивиды, которые по формальным признакам относятся к среднему классу, становятся менее свободными и более зависимыми.

В обществе и экономике увеличивается поляризация, которая считается для экономического роста более опасной, чем неравенство как таковое. А. Аличи заметил очень показательный момент: с 1970 года поляризация в США растёт более высокими темпами, чем неравенство. Если коэффициент Джини в США почти не изменился, то уровень поляризации доходов относительно медианных значений существенно вырос. По его мнению, вымывание среднего класса – это процесс более тревожный, чем простой рост неравенства в обществе (Alichi, 2016. P. 41). А. Колот и О. Герасименко прямо связывают процесс поляризации общества с замещением человеческого труда машинами или с явлением аутсорсинга (Колот, Герасименко, 2017. С. 95).

Как следствие, уровень неопределённости и рисков для различных групп населения, которые традиционно объединяются понятием среднего класса, неуклонно растёт. Это означает, что эти люди уже не могут связывать своё личное благополучие с политической и финансовой стабильностью своего государства. Они вынуждены выходить в глобальное пространство для поиска более благоприятных вариантов профессиональной карьеры и обустройства своей личной жизни. Демократические механизмы воспроизводства системы политического устройства и политической власти не рассматриваются ими как сфера

их личной свободы и ответственности, что уже сегодня порождает серьёзные проблемы внутри институтов политической демократии и способствует возникновению институциональных альтернатив.

В то же время вся современная система государственного регулирования социально-экономического развития строится на среднем классе как "встроенном стабилизаторе". Его фактическая диффузия приводит к тому, что регуляторная политика имеет такое входное условие, которое постепенно разрушается. Соответственно, эффективность большинства мероприятий государственной политики является более низкой. Самая большая опасность связана с невозможностью иметь адекватную стратегическую позицию страны как относительно нестабильной внешней среды, так и относительно внутренних социальных разрывов, структурно-технологических и институциональных проблем. Неуклонное обострение проблем неравенства обуславливает низкую инновационную способность национальной экономики Украины, сужает внутренний рынок и порождает зоны социально-экономической деградации (Лібанова, 2012).

Однако нельзя говорить, что проблемы диффузии и стагнации среднего класса являются исключительно украинским. Эти проблемы, возможно, не так остро, стоят в большинстве развитых стран, включая европейские страны и США. Это свидетельствует об общем характере социальных рисков и ограничений в условиях инновационного развития экономики. Если система не найдёт ответ на эти вызовы, могут сформироваться условия для негативной синергии социально неприемлемых инноваций и несправедливого распределения доходов и активов новой экономики. Считать технологическое развитие социально нейтральным и выводить за скобки проблемы социальной справедливости становится всё более и более рискованным подходом. Поэтому формирование внутреннего социального потенциала инновационного развития, содействие его росту и включению в механизмы обеспечения необходимой социальной справедливости является, как минимум, желанной альтернативой постепенному угасанию среднего класса.

Сегодня реакции социальной системы на быстрые технологические и институциональные сдвиги выглядят как хаотические и случайные. В развитых странах привлекает внимание прекаризация рынка труда, возникновение слоя работающих специалистов, которые вообще не имеют жилья, выбирают в качестве жизненной стратегии жизнь в долг, высокая доля выпускников университетов, которые работают на рабочих местах, не требующих высшего образования. Следствием этих процессов является потеря социального капитала общества, сужение социальной базы инновационного развития, усиление явлений социального отчуждения, что неизбежно означает постепенный рост вероятности глубоких социальных конфликтов.

В то же время вместе с большими социальными проблемами инновационное развитие несёт с собой и определённые возможности для "очеловечивания" новейших технологий и институтов и включение их в механизмы разрешения противоречий между эффективностью и социальной справедливостью. К таким возможностям следует отнести широкий доступ к информации и знаниям, создание новых механизмов и стимулов социальной мобильности, доступ к сетевым технологиям образования и профессионального обучения, возможность участия в профессиональных сетях разного уровня.

Уже сегодня можно увидеть процессы кристаллизации значительной социальной группы, которая может снимать отчуждение на

новой институционально-технологической основе путём непосредственного присвоения широкого круга технологических и профессиональных активов, использовать их в процессе своей деятельности, и на этой основе формировать устойчивые доходы. Эта социальная группа наследует значительную часть миссии и функций среднего класса, но в то же время имеет и значительные социокультурные, профессиональные и технологические различия.

Такую социальную группу можно пока условно назвать **медиум-классом**. Она частично вызревает в среде традиционного среднего класса, сохраняя присущие последнему высокую лояльность к государству и политической демократии, ориентацию на долгосрочные жизненные стратегии, высокую оценку будущих доходов и склонность к их сохранению. В то же время медиум-класс более ориентирован на изменение и мобильность в сфере профессиональной реализации и профессионального развития, а лояльность к государству сопровождается готовностью использовать возможности глобального рынка труда.

Медиум-класс в процессе своего формирования демонстрирует характеристики информационно-сетевого (или "медийного") образования. Он ориентирован на сетевое общение. Благодаря именно этому его становление является информационным процессом самоидентификации. Неопределённость статуса и функций снимается путём непосредственного генерирования и использования информации относительно среды, его оценок и интерпретаций, включая ресурсы и угрозы. На этой основе формируются так называемые паттерны, то есть ситуативные структуры, в основу которых положены типовые нормы поведения и общения, которые тяготеют к поведению определённых репрезентативных (медианных) групп.

Вместе с тем именно специфическая информационная составляющая природы медиум-класса превращает его в источник неопределённости особого рода, которая связана с постоянным распространением и усложнением жизненно важной информации. Если средний класс имел более или менее ограниченную информационную среду и устойчивые механизмы общения, то медиум-класс для самовоспроизводства требует постоянно растущих объёмов информации. А это в свою очередь порождает глубокий разрыв между интерпретационным потенциалом участников информационно-сетевых структур, с одной стороны, а также сложностью и объёмами информации, которая обязательно должна быть интерпретирована и использована, – с другой. Таким образом, возникает новый тип неопределённости существования социальных структур, который не может быть преодолен путём использования существующих ценностно-институциональных механизмов жизнедеятельности социума.

Можно предположить, что медиум-класс частично будет заполнять историческую социально-экономическую нишу среднего класса как структурного стабилизатора социально-экономического развития, но в то же время всё больше выступать как ответственный субъект других отношений, менее устойчивых, более инновационных и рискованных. Потребность в социальной справедливости будет получать новые измерения и акценты, которые будут наполнять новым содержанием комплементарность экономической эффективности и социальной справедливости. Наличие тенденции становления медиум-класса должна учитываться уже сегодня в социально-экономической политике государства. Прежде всего как новые границы и новые критерии эффективности и социальной справедливости.

Субъектность лежит в основе формирования и жизнедеятельности социальных систем высокого уровня. Экономическая система может рассматриваться как построенная на субъектном принципе, если её участники способны вести себя согласованным образом в ситуациях, когда они связаны общим ресурсным и ценностным пространством. Проявлением субъектности в хозяйственной деятельности является наличие общих или совместных ожиданий, способность к сохранению стабильного состояния в нестабильной среде, наличие вектора воспроизведения идентичности в условиях неопределённости.

Одной из первичных теоретических форм выделения субъекта является понятие *homo economicus* классической и неоклассической школ экономической науки. В рамках этой парадигмы субъект получил атрибут рационального эгоистического поведения, которое связывает его через рыночную конкуренцию с другими субъектами и нацелено на максимальную полезность использования доступных ресурсов. В марксистской экономической теории субъектом считается носитель определённого социально-экономического качества системы, которая детерминирует классовый статус, формы и направления его деятельности в совокупности социально-экономических и ценностно-институциональных ограничений. Институциональное направление экономической науки рассматривает субъекта в качестве агента, который придерживается институциональных требований и формирует в соответствии с ними совокупность актуальных альтернатив рационального выбора. На наш взгляд, если брать развитие экономической науки в широком историческом контексте, то можно сделать вывод, что альтернативность этих трёх подходов такова, что может быть преодолена путём конкретизации задач и условий моделирования экономической действительности на основе учёта системного содержания понятия *экономический субъект*.

Системные преимущества выделения субъектной координаты экономики состоят в возможности адаптации и саморазвития в условиях постоянно растущей неопределённости. Автономные, суверенные, независимые субъекты не требуют от системы прямого наделяния ресурсами и информацией, которые необходимы для обеспечения их жизнедеятельности. Они их сами ищут и получают через рыночные механизмы на условиях полной свободы и ответственности. Неустойчивость внешних условий для них проявляется как их риски, что заставляет повышать уровень использования ресурсов, действовать в условиях дефицита информации и повышать свои профессиональные способности по управлению рисками.

Предел разрушающей неопределённости для такой системы является более высоким, чем для систем с прямым контролем. Благодаря трансформации общей неопределённости в риски отдельных субъектов непредвиденные шоки угрожают субъектам, а не системе в целом. Хотя макросубъектность и является особым случаем субъектности вообще, ей тоже присущи указанные исключительные системные преимущества, хотя и в особой форме и масштабах.

Одним из таких преимуществ является устойчивость системы относительно явлений эндогенной неопределённости, которая генерируется внутри системы. Эндогенная неопределённость порождает системные риски и одновременно – ресурсы для их преодоления путём технологических, структурных сдвигов и институциональных реформ. Высокая способность к реформированию государства и экономики в условиях постиндустриального общества не в последнюю очередь была обусловлена скрытой субъектностью в виде среднего класса.

Если система состоит из структурных элементов, среди которых есть субъекты, то в общем случае она более приспособлена к функционированию в неопределённой среде. Такая система позволяет субъектам самим выбирать пути доступа к ресурсам, способы взаимодействия и кооперации. Затруднение доступа к ресурсам до определённого уровня не является проблемой для системы. Она способна оставаться самой собой в условиях недостатка ресурсов и информации на достаточно длинных интервалах.

В своё время было отмечено, что сумма отдельных неопределённостей может оказаться меньше исходной величины, то есть происходит процесс по снижению энтропии. Отражением этого является распределение неопределённостей во времени: время существования субъектов меньше времени существования системы в целом. Субъект получает отрицательную определённость – он обязательно исчезает. Исчезновение отдельных субъектов является законом воспроизведения сложных органических систем. Институциональные правила функционирования и воспроизводства субъектов не просто включают в себя механизм самоуничтожения, они его и допускают, и предполагают. Проявляется это как неполнота и несовершенство институтов. На самом деле эффективный институциональный механизм и должен быть таким (Яременко, Панкратова, 2007. С. 61).

В то же время субъектность системы является долгосрочным результатом её функционирования. Она сначала должна создать субъекты через снятие своей неопределённости путём структурирования и институционализации своей активности. Система отчуждает от себя свою сущность, делясь ею со своим другим субъектом. Субъект – это элемент системы, который изначально не обладает в отношении неё целостностью и полнотой. Поиск этого, движение к этому – активность субъекта, его целесообразная деятельность, в которой он восстанавливает утраченную целостность с системой и обретает внутреннюю полноту (Яременко, Панкратова, 2007. С. 61).

Субъектность макрообразований отличается от субъектности на микроуровне. Такая субъектность менее доступна для внешнего наблюдателя, поэтому о её наличии можно судить по проявлениям, которые не совпадают с содержанием внутренних процессов и структур.

О наличии такой макросубъектности свидетельствуют способность к целостным рыночным, финансовым, политическим реакциям на изменения среды, что обеспечивается относительно устойчивым уровнем доходов и долей национального богатства, которые присущи этому макросубъекту, особой структурой и особой эластичностью рыночного спроса на товары и услуги, особой структурой активов, особыми чертами институциональной компетентности. Это позволяет определённой социальной группе сохранять относительно устойчивое место в системах более высокого уровня, включая профессиональную структуру общества, территории и районы преимущественного расселения.

Свидетельством наличия субъектности макрообразования служит также наличие рефлексивных механизмов в виде определённой ментальности, идеологии, религиозных, социокультурных и политических предпочтений и структур. Благодаря стабильному доступу к экономическим и информационным ресурсам и способности к саморефлексии макросубъект на протяжении достаточно долгого периода самовоспроизводится, используя для этого механизмы семьи, наследства, образования, сетевых структур общения. Этому способствуют относительно

чёткие внутренние субинституциональные нормы (обычаи, правила приличия, ритуалы), неформальные пределы допустимых колебаний в социально значимом поведении, включая отношение к государству, а также к другим социальным группам и международной среде.

Такая субъектность может носить или негативный характер, устанавливая пределы для действий власти и других макросубъектов, которые прямо или косвенно могут негативно влиять на интересы и идентичность этой социальной группы, или позитивный характер, направленный на достижение целей более высокого уровня в процессе самовоспроизведения и укрепления идентичности макросубъекта.

Социально-экономическая идентичность среднего класса зародилась на высшей стадии индустриальной системы как результат роста производительности, развития новых форм организации собственности и эволюции государственных институтов. Важным рубежом в динамике субъектности сегодняшнего среднего класса был период середины 60-х – начала 70-х годов, который показал историческую ограниченность традиционных социально-институциональных иерархий в странах с преобладанием индустриального уклада (движение хиппи США и Европе, красный май 1968 года во Франции, Пражская весна в Чехословакии, попытки хозяйственной реформы в Советском Союзе). Именно из молодёжной среды хиппи и студентов-бунтарей вышло поколение политического истеблишмента, которое ориентировалось на устойчивые ожидания относительно роста жизненного уровня на путях развития государства благосостояния. Это способствовало достижению макроэкономической, финансовой и социальной стабильности путём институциональных реформ конца 70 – начала 80-х годов. Внешне парадоксальный рост Китая во многом обусловлен именно моментом начала реформ, который пришёлся на конец 70-х годов.

В СССР формирование советского аналога среднего класса стало результатом массового жилищного строительства, производства бытовой техники и развития автомобильной промышленности. Возникло буржуазное (или мелкобуржуазное) явление бытовой автономии, которое ускорило глубинный процесс размывания социалистической идеологии. КПСС была вынуждена считаться с этой новой реальностью, что в конце концов завершилось перестройкой. Относительная безболезненность распада советской системы была ещё обусловлена и наличием латентной субъектности среднего класса, который имел ожидания относительно улучшения уровня жизни в результате перестройки.

Среди объективных факторов, способствовавших возникновению новых оснований структурирования социума, следует выделить: разрыв между устойчивыми ожиданиями относительно уровня и неустойчивым (угасающим) ростом производительности, который наблюдается с 90-х годов; глобализация, которая постепенно нивелирует национально-государственную структуру среднего класса и соответствующие инструменты обеспечения его воспроизводства; массовая миграция как глобальное явление, которое провоцирует ценностно-институциональную неопределённость в мире.

Сегодня происходят фундаментальные сдвиги в общественном разделении труда, собственности, доходов, в демографии и территориальной структуре расселения людей. Возникновение новых ресурсов и новых потребностей порождает, прямо или косвенно, новые социальные макрообразования, которые либо могут носить более или менее устойчивый характер, или, наоборот, возникать и исчезать случайным образом.

Эти процессы разворачиваются на фоне роста общей социально-экономической неопределённости, к которой средний класс сегодня оказался не готовым. Традиционно средний класс характеризовался стабильным местом жительства, профессией, устойчивым уровнем доходов и уровнем потребления, определённой поколенно-демографической структурой и совокупностью собственных субструктур, что обеспечивало для общества оптимальное разнообразие реакций на внутренние и внешние возмущения. Закономерный рост общей социальной и профессиональной мобильности под влиянием технологических, институциональных и социально-культурных изменений ставит под вопрос устойчивость указанных предпосылок среднего класса как отражение стационарного состояния общества.

Статус среднего класса определяется его способностью к выполнению некоторых исключительных социально-экономических функций. Он является главным источником финансовых ресурсов государства как налогоплательщик; его потребности являются ядром потребительской структуры ВВП; он является участником большинства институциональных структур общества, экономики и государства; как вкладчик он является чистым кредитором банковской системы; он открыт для внешней среды, включая человеческие, культурные и экономические контакты.

Как отметил А. Аличи, исключительный статус среднего класса связан с необходимостью поддержания базовых условий равновесия в экономике. Стабильной экономике необходимы динамическое потребление и активные инвестиции. Но способность к потреблению домохозяйств с низкими доходами ограничена, как и их способность к сбережениям. В то же время домохозяйства с высокими доходами хранят достаточно, но потребляют слишком мало по сравнению с масштабами их финансового потенциала. Поэтому А. Аличи делает вывод: надлежащий баланс потребления и инвестиций может быть обеспечен только домохозяйствами со средними доходами (Alichi, 2016). Именно по этой причине процессы вымывания среднего класса и обострение проблем с макроэкономической и финансовой стабильностью идут в последние десятилетия рядом.

В той мере, в какой средний класс постепенно превращается в чистого заёмщика банковской системы, он начинает перерождаться из-за угасания или существенной модификации его некоторых исключительных функций. Для государства усиливается значение альтернативных источников финансовых ресурсов, а именно, долговых, как внешних, так и внутренних. Это в свою очередь даёт альтернативный источник для формирования банковских ресурсов – рефинансирование со стороны центрального банка под залог ценных бумаг государственного долга. Ядро потребительской структуры, которое традиционно принадлежало среднему классу, претерпевает диффузию под влиянием демократизации потребления и теряет черты определённой исключительности.

В таком "урезанном" виде средний класс вынужден искать доступные альтернативы сохранения определённости жизнедеятельности на приемлемом уровне, что является мотивом его перерождения в медиум-класс. Текущее поведение приобретает черты некой "опортунистичности" относительно классических образцов и моделей жизнедеятельности среднего класса.

Существенной чертой среднего класса, которая сформировалась исторически, было отношение к риску. Фактический риск был большим, чем формальные его оценки ("уверенности в завтрашнем дне"). Этот

скрытый избыток риска покрывала система в целом, через разветвлённые институты и механизмы социального государства. Кроме того, государство брало на себя избыточную неопределённость и путём её переложения на будущее, откладывая во времени так называемые непопулярные решения, например, повышение пенсионного возраста. Традиционный образ здорового и счастливого западного пенсионера, который путешествует по миру, уходит в прошлое в той мере, в которой реализуется приговор, озвученный А. Гринспеном в 2012 году: "Социальное государство разбилась о кирпичную стену реальности"².

У медиум-класса, который формируется сегодня, нет уверенности в завтрашнем дне, поэтому его поведение более краткосрочное, чем стратегическое. Он легче адаптируется к конъюнктурным изменениям, так как его долгосрочные активы минимизированы: жильё арендуется, а не покупается, возраст вступления в брак зависит от того, насколько исчерпан потенциал быстрого карьерного роста. Конъюнктурным экономическим моделям поведения соответствуют конъюнктурные стратегии личных отношений. Институт семьи не исчезает, но постепенно отходит на задний план.

В отличие от среднего класса, который воплощал социальную структуру, присущую стационарному состоянию индустриальной и постиндустриальной системы, формирующийся медиум-класс является переходной структурой, воплощающей противоречивую социально-экономическую динамику современности: как процессы социального обогащения, так и процессы роста социальной энтропии и упрощения.

Границы медиум-класса более размыты, чем границы среднего класса, поэтому и его социальный потенциал, и перспективы выглядят как неопределённые. Принадлежность к медиум-классу открывает перед человеком более широкий простор альтернатив, для исчерпывающего изучения которых может не хватать институциональной компетентности, общих знаний и культуры, профессиональных способностей и возможностей (Ярёмченко, 2017. С. 39). Примерами могут служить пока что экзотические факты отсутствия постоянного жилья у квалифицированных специалистов, имеющих постоянное место работы в мегаполисах, или более массовые примеры бедности работающих людей на Западе; недоступность качественного образования и обусловленное этим явление кредитного рабства высококвалифицированных специалистов.

В ходе преобразования медиум-класса с сегодняшнего пунктирного вектора в более или менее чёткое направление социального упорядочения информационно-сетевой экономики разброс индивидуальных траекторий будет уменьшаться, а вероятность согласованных социально значимых действий превышать вероятность случайных несогласованных действий. Проблема анализа становления медиум-класса заключается в изменении понятия "социальное".

Средний класс воплощает в себе стабильную ценностно-институциональную составляющую социально-экономических систем, того, что сохраняется в социуме и даёт обществу возможность развиваться путём постепенного обогащения, усложнения, накопления социально-экономического содержания человеческой цивилизации. Жизненный цикл среднего класса определённым образом привязан к кондратьевским длинным волнам конъюнктуры ($dt \rightarrow 50$ лет), что со-

² Алан Гринспен пообіцяв США "справжню революцію". URL: http://firtka.if.ua/app_dev.php/blog/view/alan-grinspen-poobicav-ssa-spravznu-revoluciu15734

ответствует жизненному циклу домохозяйств и делает эффективными механизмы передачи наследства будущим поколениям.

Медиум-класс как протосубъект содержит в себе намёки на возможность движения по пути упрощения, обесценивания накопленных социальных активов общества, отрыва человечества от матрицы path dependent. Снижение относительного значения текущих доходов из-за перспективы внедрения института "безусловного базового дохода", обесценивание накопленных имущественных активов, мобильность как самоценность будут порождать потребность в новых модулирующих генераторах социальной активности. Ценности и институты, доверие и рациональный выбор будут иметь ограниченное значение для поддержания общественного порядка.

Прямые информационные взаимодействия будут замещать социальные опосредования. Будут возникать новые социальные компетенции, такие как обязательное присутствие в социальных сетях; активное использование сетевых ресурсов; создание и использование информационных сетевых активов для формирования новых иерархий и экономической власти. На этой основе вполне возможно формирование слоя сетевого плебса и поляризация социума по модели антиутопии.

Выводы. Повышенный уровень неопределённости жизнедеятельности медиум-класса не только делает проблемным достаточный уровень его субъектности, но и затрудняет создание его адекватной теоретической характеристики. Эмпирически-описательные методы отображения этого нового явления в течение определённого периода его изучения будут преобладать.

В то же время явление медиум-класса не может быть охарактеризовано только с позиций недостатков и неопределённости социальных последствий его становления. Как отмечалось выше, переходность этого явления означает наличие в его недрах потенциала положительного осложнения и обогащения социально-экономической системы. Во-первых, это готовность к изменениям, что способствует общей устойчивости общества в ситуации фундаментальных сдвигов; во-вторых, высокий уровень социально-экономической автономии; в-третьих, нацеленность на повышение личного статуса как способ нейтрализации рисков; в-четвёртых, следование ценностям человеческой свободы, труда, творческой инновационной деятельности; социально-профессиональная и пространственная мобильность.

Субъектность социальных макрообразований, к которым относятся средний класс и медиум-класс, является опосредованной. Проявлениями такой опосредованной субъектности среднего класса является способность сохранять свои социально-экономические границы и политические предпочтения в условиях шоков и кризисов, оптимальная социально-политическая активность социума в целом и спрос на демократические институты государственной власти и гражданского общества; устойчивая структура потребительского спроса и спроса на деньги; доступность экономики в целом к долгосрочным национальным стратегическим программам. Это порождает как потребность в устойчивом социально-экономическом развитии, так и условия его обеспечения в виде институтов социального государства, достаточного потребительского и институционального спроса в экономике, развитие человеческого капитала и инновационного потенциала. Комплементарность социального и экономического измерений общества, построенная на центральной роли среднего класса, достигает максимального исторического уровня. Но всё хорошее когда-то заканчивается.

Постепенное угасание институтов социального государства под давлением всё более жёстких финансовых ограничений, тенденция к росту социально-экономической энтропии в виде массовой миграции, устойчивая "ловушка ликвидности" в экономике, проявлением которой являются отрицательные процентные ставки, деградация многих ценностно-институциональных ограничений, превращение инноваций в самоцель экономического развития неизбежно приводят к размыванию скрытого субъектного ядра современной экономической системы в виде среднего класса, который в предыдущие десятилетия обусловил самый высокий уровень взаимной комплементарности экономической эффективности и социальной справедливости.

Недостаток этой латентной макросубъектности проявляется в критическом росте разброса траекторий движения различных элементов социально-экономической системы. Внутренний социально-политический разлад в США, Brexit в Великобритании, социально-экономический и политический кризис в ЕС из-за массового притока беженцев из Ближнего Востока – всё это отражает с разных сторон потерю интереса среднего класса к принятию национальных стратегических решений. Способность к согласованному поведению и согласованным реакциям ощутимо снижается. Это вынуждает транслировать внутреннюю неопределённость во внешнее пространство в виде рисков для внешних субъектов, но эти риски способны возвращаться как бумеранг.

Рефлексивным ответом системы на опасный рост неопределённости является стихийное замещение эффективной устойчивой субъектности среднего класса на более простые способы ограничения разброса социальных траекторий, более или менее приспособленные к структурно-технологическим и ценностно-институциональным сдвигам, сегодня ускоряются. Кроме феномена "надинституционального" усиления давления государства, такой переходной структурой может считаться медиум-класс, который исторически выходит из недр среднего класса и одновременно является продуктом его диффузии и постепенного распада.

Границы и признаки процессов становления медиум-класса являются размытыми. В то же время внутри социально-экономической системы зарождается новый вектор, вокруг которого группируются и структурируются социальные элементы, которым нужна новая определённость, стабильность социальных критериев и предпочтений, возможность строить, как минимум, среднесрочные стратегии жизнедеятельности. Именно медиум-класс как протосубъект ставит границы социальной деструкции экономики в сегодняшнем процессе фундаментальных сдвигов³.

Потенциал горизонтального распространения медиум-класса сегодня выглядит как почти безграничный, что снижает его социальное качество и определённость. Однако медиум-класс как практическая основа

³ Понятие протосубъекта отражает переходное состояние социальной структуры. Для его объяснения можно использовать как аналогию процесс преобразования "класса в себе" в "класс для себя". Уже сегодня привлекают внимание некоторые субъектные атрибуты медиум-класса: он воплощает определённый вектор изменений (эволюции), к которому тяготеют в разной степени те элементы социальной структуры, что в процессе исторического движения отрываются от среднего класса и ищут новой идентичности; медиум-класс имеет признаки общей (согласованной) социальной рефлексии через социальные сети, через так называемых "лидеров общественного мнения", СМИ, общественные институты; ему присуща новая политизация в направлении "глобального лоялизма" в отличие от преимущественно национально-государственной лояльности среднего класса.

нового общественного усреднения ставит пределы для опасного распространения прекариату и одновременно ограничивает социальную, технологическую, финансовую и политическую власть новых элитных групп, которые можно условно обозначить как премиум-класс.

Литература

- Гульдбрансен Т. (2016). Элиты и профессионалы. *Мировая экономика и международные отношения*. № 11. С. 71–83.
- Колот А., Герасименко О. (2017). Социальное неравенство доходов: глобальное измерение. *Экономическая теория*. № 4. С. 76–107.
- Либанова Э. (2016). Украина: глубина неравенства. *Зеркало недели*. 1 октября.
- Либанова Е.М. (ред.). (2012). *Нерівність в Україні: масштаби та можливості впливу*. Київ: Інститут демографії та соціальних досліджень імені М.В. Птухи НАН України. 404 с.
- Пикетти Т. (2015). Капитал в XXI веке. Москва: Ад Маргинем Пресс. 592 с.
- Стиглиц Дж. (2015). Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. Москва: Эксмо. 512 с.
- Стиглиц Дж. (2016). Великое разделение. Неравенство в обществе, или что делать оставшимся 99% населения. Москва: Эксмо. 480 с.
- Ярёменко О. (2017). Ценностно-институциональные и структурно-технологические основания динамики равенства и неравенства. *Экономическая теория*. № 4. С. 32–46.
- Ярёменко О.Л., Панкратова Е.Н. (2007). Институты и экономическая свобода хозяйствующих субъектов. *Экономическая теория*. № 3. С. 56–71.
- Acemoglu D. (Winter 2003). Technology and Inequality. *NBER Working Paper*. URL: <http://www.nber.org/reporter/winter03/technologyandinequality.html>
- Alesina, A., G. Cozzi, and N. Mantovan (2012). The Evolution of Ideology, Fairness and Redistribution. *Economic Journal*, 122:1244–1261. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2012.02541.x>
- Alichi F. (December 2016). Hollowing Out. *Finance & Development*. Vol. 53. No. 3. Pp. 40–42.
- Alichi A. (December, 2016). Hollowing Out. *Finance & Development*. Vol. 53, No. 3. Pp. 40–42.
- Berg A., Buffie E., Luis-Felipe Zanna. (September, 2016). Robots, Growth, and Inequality. *Finance & Development*. Vol. 53. No. 3. Pp. 10–13.
- Berg A., Buffie E., Luis-Felipe Zanna. (September, 2016) Robots, Growth, and Inequality. *Finance & Development*. Vol. 53. No. 3. Pp. 10–13.
- Hernjs, C.O. (2017). Is technology contributing to increased inequality? *Crunch Network*. URL: <https://techcrunch.com/2017/03/29/is-technology-contributing-to-increased-inequality/>
- Ostry, J. D., A. Berg, and C. Tsangarides (2014). Redistribution, Inequality, and Growth. *IMF Staff Discussion Note*, 14/02. doi: <https://doi.org/10.5089/9781484352076.006>
- Rotman D. (21 October 2014). Technology and Inequality. URL: <https://www.technologyreview.com/s/531726/technology-and-inequality/>

Поступление в редакцию 19.11.2018

NEW TRENDS OF SOCIETAL STRUCTURE IN THE CONDITIONS OF STRENGTHENING UNCERTAINTY OF SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT

Oleg Iaremenko

Author affiliation : Dr. Econ. Sciences, Prof.; Leading Researcher of the Department of Economic Theory of the Institute for Economics and Forecasting, National Academy of Sciences of Ukraine. E-mail: yaremenkooleg2@gmail.com

The article shows that one of the new trends in the structuring of society in the conditions of increasing uncertainty of socio-economic development is the formation of a medium class on the basis of a new social averaging of incomes and living standards that should set the limits to the dangerous washing out of the middle class and at the same time restrict the social, technological, financial and political power of new the elite groups. It is proved that one of the signs of the degeneration of the middle class into the medium class is its transformation from a net lender to a net borrower of the banking system.

The gradual fade out of the institutions of social state under the pressure of severe financial constraints, the tendency to increase socio-economic entropy, the persistent "trap of liquidity" in the economy, degradation of many value-institutional constraints, the transformation of innovation into the sole purpose of economic development inevitably leads to the erosion of the middle class as a hidden sub- cognitive core, which resulted in the highest level of mutual complementarity of economic efficiency and social justice. It is shown that affiliation with the medium class generates for the subject a wide range of alternatives, but today for their proper elaboration may lack the institutional competence, general knowledge and culture, professional abilities and capabilities.

In the future, the medium class will fill the historic niche of the middle class as a structural stabilizer of socio-economic development, but at the same time, more and more it will act as a responsible agent of other relations, less sustainable, more innovative and risky. The formation of the media class sets a vector for the development of the economic system, around which can be structured social elements that require new certainty, stability of social criteria and preferences, and the ability to build medium and long-term life strategies, which will contribute to achieving an adequate level of stability in society and economy.

Key words: middle class, medium class, mediated subjectivity, social entropy, reflectivity, autonomy, social averaging, net borrower, vector of development.

References

- Gulbrandsen, T. (2016). *Elites and professionals*. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World economy and international relations*, 11, 71-83 [in Russian].
- Kolot, A., Herasymenko, O.M. (2017). *Social Income Inequality: The Global Dimension*. *Ekon. teor. – Economic theory*, 4, 76-107 [in Ukrainian].
- Libanova, Je. (October 1, 2016). *Ukraine: the depth of inequality*. *Zerkalo nedeli – The mirror of the week* [in Russian].
- Libanova E.M. (Ed.). (2012). *Inequality in Ukraine: the scope and possible impact*. Kyiv: Ptoukha Institute for Demography and Social Studies, NAS of Ukraine [in Ukrainian].
- Piketty, T. (2015). *Capital in the XXI century*. Moscow: Ad Marginem Press [in Russian].
- Stiglitz, J. (2015). *The price of inequality. Than the stratification of society threatens our future*. Moscow: Jeksmo [in Russian].
- Stiglitz, J. (2016). *Great separation. Inequality in society, or what to do with the remaining 99% of the population*. Moscow: Jeksmo [in Russian].
- Iaromenko, O.L. (2017). *Value-institutional and structural-technological foundations of the dynamics of equality and inequality*. *Ekon. teor. – Economic theory*, 4, 32-46 [in Ukrainian].
- Iaromenko, O.L., Pankratova, E.N. (2007). *Institutions and economic freedom of business entities*. *Ekon. teor. – Economic theory*, 3, 56-71 [in Ukrainian].
- Acemoglu D. (Winter 2003). *Technology and Inequality*. *NBER Working Paper*. Retrieved from <http://www.nber.org/reporter/winter03/technologyandinequality.html>
- Alesina, A., Cozzi, G. and Mantovan, N. (2012). *The Evolution of Ideology, Fairness and Redistribution*. *Economic Journal*, 122, 1244-1261. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2012.02541.x>
- Alichi, F. (December, 2016). *Hollowing Out*. *Finance & Development*, 53: 3, 40-42.
- Berg, A., Buffie, E., Zanna, L.-F. (September, 2016). *Robots, Growth, and Inequality*. *Finance & Development*, 53: 3, 10-13.
- Christoffer Hernæs. (2017). *Is technology contributing to increased inequality?* *Crunch Network*. Retrieved from <https://techcrunch.com/2017/03/29/is-technology-contributing-to-increased-inequality/>
- Ostry, J.D., Berg, A. and Tsangarides, C. (2014). *Redistribution, Inequality, and Growth*. *IMF Staff Discussion Note*, 14/02. doi: <https://doi.org/10.5089/9781484352076.006>

*Rotman, D. (21 October 2014). Technology and Inequality. Retrieved from
<https://www.technologyreview.com/s/531726/technology-and-inequality/>*